

Михаил Г. Талалай

Русско-польские истории на Амальфитанском побережье

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 3, 93-99

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

SZTUKA EUROPY WSCHODNIEJ
ИСКУССТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ART OF THE EAST EUROPE
ТОМ III

Михаил Г. Талалай

Институт всеобщей истории Российской академии наук, представитель в Италии

Русско-польские истории на Амальфитанском побережье

Амальфитанское побережье (*Costiera Amalfitana*), ныне элитарный итальянский курорт, внесенный в список Юнеско в качестве всемирного культурного достояния, в начале XX века представлял собой архаичное захолустье, вдали от основных маршрутов европейского туризма. Бедность населения, труднодоступность местности, дурное управление – эти и другие факторы тормозили, с одной стороны, развитие края, а с другой – консервировали его быт и облик, что в будущем принесло ему немалые преимущества.

Если близлежащие зоны – Сорренто и остров Капри – на рубеже XIX–XX вв. уже получили известность в среде интеллектуальной элиты и художественной богемы, в первую очередь, из англосаксонского мира, то Амальфитанскому берегу пришлось еще ждать своего часа (пришедшего на 1950–1960-е годы).

Тем не менее, в 1920–1930-е годы Амальфи, а также соседние на Побережье селения Равелло и Позитано стали своеобразным убежищем для разного рода иностранцев: немаловажную роль играла патриархальная дешевизна этих мест и относительно либеральный общественный климат, «под сенью» соседнего космополитичного и раскрепощенного Капри.

Самым первым русским жителем Амальфитанского побережья, еще до революции, стал литератор Михаил Николаевич Семенов (1873–1952). Купив в Позитано полуразрушенную мельницу, он решил переждать в Италии Первую мировую войну, а за ней и революцию. В Советскую Россию ему, однако, не хотелось возвращаться, и со временем его гостеприимная мельница стала удобной дачей для многих артистов-эмигрантов – С. Дягилева, В. Нижинского, И. Стравинского. Приезд Леонида Федоровича Мясина (1985–1979) стал судьбоносным: хореографу, делавшему блестящую карьеру на Западе, необычайно понравился этот уголок, точнее – маленький архипелаг перед Позитано, Ли-Галли. «Я чувствовал, – позднее писал Мясин – что здесь мог бы найти уединение, в котором нуждался, откажись я от изнуряющего давления избранной мною карьеры, и решил, что однажды куплю эти островки и сделаю их своим домом».¹ В итоге Семенов стал исполнять роль «мажордома» хореографа, организовывая на Ли-Галли побывки его и его друзей, а на досуге сочиняя мемуары, изданные затем на итальянском языке.

¹ Мясин (1997: 135).

ке с красноречивым титулом *Vacco e sirene* (*Вакх и русалки*).²

Однако за внешне удачной интеграцией стоял драматический опыт: еще в 1919 году Семенова пытались депортировать из Италии из-за отсутствия вида на жительство (в действительности, в нем подозревали «красного» агента – эти подозрения позднее разделяли и многие «белые» эмигранты). Вне сомнения, именно «дамоклов меч» депортации подвиг литератора в дальнейшем на сотрудничество с секретными службами муссолиниевского режима, продолжавшееся вплоть до падения режима.³

Перед смертью он написал странное завещание – «Прошу похоронить меня в море, так как в своей жизни я съел столько рыбы, что будет правильно, если рыба съест меня». Однако его вдова отказалась выполнить такую экзотическую последнюю волю, и Семенова похоронили вполне по-христиански, на местном кладбище.

Немаловажно, что Семенов был хорошо знаком с польской литературной культурой – по сути дела, он стал открывателем для России творчества Пшибышевского. Осуществив первые переводы (неизвестно, впрочем, знал ли Семенов польский язык или пользовался подстрочником), он на свой страх и риск добился их публикации, за которой последовал ошеломительный успех польского писателя у русской аудитории. Интересно, что на самого переводчика Пшибышевский оказал такое сильное влияние, что все собственные попытки литературного творчества у Семенова стали считаться эпигонством – так и его вышеупомянутый главный труд, *Вакх и русалки*, вышедший первоначально на итальянском, – это смесь эротики, авантюризма, декадентства, как полагали критики, именно в духе Пшибышевского.

Соседом Семенова был участник Гражданской войны, живописец-самоучка Иван Панкратьевич Загоруйко (1896–1964), родом из Екатеринослава, который в конце 1920-х годов обосновался в том же Позитано. Талантливый пейзажист, он писал и портреты местных жи-

телей, а также виды покинутой России. Ему принадлежит и большое трагическое полотно символического значения: отрубленные головы витязей на поле, заросшем чертополохом, на фоне горящего Кремля. Известно, что в середине 1930-х годов Загоруйко посетил Польшу: он совершил большую поездку по Восточной Европе, в ностальгии по России – последним пунктом его дальнего маршрута стал русский Валаамский монастырь на Ладожском озере, который тогда находился в границах Финляндии (сохранились его пейзажи Валаама).

Художник пользовался определенным успехом, но его судьба серьезно изменилась во время Второй мировой войны, когда фашистские власти решили удалить иностранцев из стратегических зон, в том числе с Амальфитанского побережья: они опасались, что те будут подавать тайные знаки англо-американской авиации и субмаринам. Наиболее эффективным средством защиты в тот период стали фальшивые справки о болезнях: такую бумагу предоставил в полицию и Загоруйко. В итоге ему разрешили остаться в Позитано, но он был вынужден подписать т. н. «Verbale di diffida» (Предупредительный протокол), в соответствии с которым ему запрещалось принимать гостей у себя дома, уходить за городскую черту Позитано и писать картины на пленэре. Пейзажи служили основной тематикой живописца, и для него наступили голодные времена. С окончанием войны Загоруйко вновь деятельно включился в художественную жизнь (илл. 1). Он жил один, и после его смерти соседи-итальянцы соорудили для художника красивое надгробие, с фразой, которую они часто от него слышали: *Com'è bello il mondo di Dio* – «Как прекрасен Божий мир».

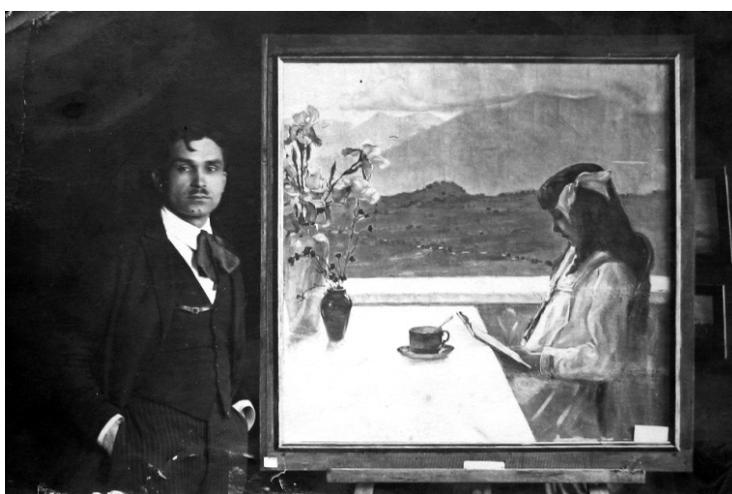
Его коллега по искусству и судьбе, художник Василий Николаевич Нечитайлов (1888–1980), обосновался в этих краях, вероятно, благодаря знакомству с Загоруйко. Первые эмигрантские годы он провел в Болгарии, затем перебрался во Францию (илл. 2), а в 1939 году, после кратковременного туринского периода, поселился на Амальфитанском берегу. Оба художника завоевали признание в этом краю, но их пути были различны: если Загоруйко писал натуру и портреты, то Нечитайлов сосредоточился на религиозной живописи. К концу 1930-х годов относится его сближение с местным духовенством и переход в католичество.

² Semenoff (1950). Роман переведен на русс. яз. и с названием *Вакх и сирены* опубликован биографом М. Семенова римским исследователем Владимиром Исидоровичем Кейданом (НАО, Москва 2006). Отдельные заметки и репортажи Семенова собраны в книгу: Semënov (2010).

³ Сотрудничество Семенова с секретной полицией Муссолини OVRA вскрыл в римских архивах В. И. Кейдан.

Илл. 1.
Иван Панкратьевич Загоруйко, *Чашепитие на Амальфитанском берегу*, 1958, частная коллекция

Илл. 2.
Василий Николаевич Нечитайлов у своей картины *Девушка за чтением*, Бельфор (Франция), 1926, фотография из архива Ю. Н. Нечитайлова, Ростов-на-Дону

Его записывают в приход русской католической церкви в Риме, где Нечитайлов общается с католическими священниками и монахами византийского обряда, многие из которых были выходцами из Западной Украины и Польши: назовем, в первую очередь, отца Станислава Тышкевича, пользовавшегося огромной популярностью у русских эмигрантов-католиков.

Драматический военный период Нечитайлов провел в тихом горном Равелло, стараясь не привлекать к себе внимания. В послевоенные годы его покровителем стал епископ Анджело Россини, в 1947–1965 годах – предстоятель Амальфитанской кафедры. По его заказу художник написал ставшую известной картину *Чудесный лов*. Помещенная на входной стене кафедрального собора Амальфи, в крипте которого с 1208 года почивают мощи апостола Андрея, увезенные из Константинополя во время Четвертого крестового похода, картина своим сюжетом была

связана с Первозванным апостолом. Особую популярность *Чудесному лову* сообщили образы рыбаков и учеников Христа, в которых живописец передал черты знакомых ему амальфитанцев. В одном из персонажей, согласно ренессансной традиции, автор изобразил себя. Собор в Позитано украшает близкая по манере картина, написанная Нечитайловым в 1950-е годы. На ней изображено важнейшее местное событие XII в. – прибытие морем чудотворной богородичной иконы. Среди персонажей, ее встречающих, жители Позитано узнавали себя и автора картины.

По характеру Нечитайлов был нелюдимым и неохотно шел на общение; основным его увлечением являлось пчеловодство. В этой сфере художник достиг такого авторитета, что в 1947 году был приглашен на Первый общецитальянский конгресс пчеловодов в Анконе. К концу жизни Нечитайлова начали мучить призраки Гражданской войны, чекисты, «красные» шпи-

Илл. 3. Ирина Вячеславовна Ковальская, Позитано, 1930-е

оны и тому подобное. Художник почти никого не подпускал к себе, уничтожил личный архив, а в последние дни, весной 1980 года, говорил исключительно на русском языке, понять который никто из окружавших его амальфитанцев был не в состоянии...

Центром притяжения для художников и интеллектуалов, выходцев из России, служила студия уроженки Польши Ирины Вячеславовны Ковальской (1905–1991, илл. 3). Сразу оговоримся, что, как это часто бывает, человеческие отношения в эмиграции зачастую складывались крайне неровно: так Ковальская недолюбливала и опасалась соседа по Побережью Семенова.⁴

Ковальская – из-за ошибочной изначальной записи ее именуют в Италии «Kowaliska» – родилась в Варшаве; ее мать, урожденная Фридляндер, была родом из Петербурга. Сразу после окончания советско-польской войны Ковальские перебрались в Вену, где Ирина получила художественное образование: в 1927 закончила венскую Школу прикладных искусств. На Ита-

льянском Юге она обосновалась с 1931 года, посвятив необычайно много усилий развитию керамического производства, центр которого издавна сложился в местечке Вьетри-суль-Маре, близ Амальфи. Ей же принадлежат многие образцы дизайна, способствовавшие появлению особого Позитанского стиля (*Moda Positano*). Ковальская вращалась преимущественно не только в русско-, но и в немецкоязычном мире, и на Амальфитанском побережье она нашла спутника жизни – писателя Армина Вегнера (1886–1978), известного своим страстным разоблачением геноцида армян в Турции. В 1933 году Вегнер написал открытое письмо к Гитлеру с требованием прекратить расовые преследования, за что был заключен в концлагерь, а по освобождении навсегда покинул родину, обосновавшись в 1936 году в Италии.

Следует отметить, что в целом на Амальфитанском побережье, начиная с 1930-х годов, появилось немало представителей немецкого артистического мира: кроме антифашистов, таких, как Вегнер, а также художник Стефан Андрес, сюда бежали германские, а позднее австрийские евреи, среди которых было немало мастеров искусства: Паула Баренфангер, Мартин Вольф, Карли Сон-Ретель и др.

Вторая мировая война нанесла сильный удар по едва сформировавшейся колонии эмигрантов на Амальфитанском берегу. В 1939 году, спустя несколько месяцев после начала войны, в Позитано, в самом космополитичном поселении берега, власти составили первые списки иностранцев, подлежащих удалению «из-за состояния войны»: из россиян в реестр были включены Зинаида Гельштром (урожд. Смолянова), Николай Тимофеев, Иван Аверин, Александр Зесевич, Людвиг Клинкас, Федор Думлер. Конечно, беженцы пытались уклониться от высылки, о чем свидетельствует переписка полиции г. Салерно с городскими властями Позитано, где лаконично сообщалось, что прошение такого-то аполида (Тимофеева, Думлера и проч.) остаться в Позитано «не удовлетворено: необходимо незамедлительное удаление с последующим рапортом».⁵ Следы высланных беженцев затем терялись, за редкими исключениями: об Аверине в Позитано сообщили, что он скончался в сентябре 1941 года в римском госпитале, а Гельштром

⁴ Сообщено сыном художницы, Микеле Вегнером.

⁵ АСР.

после окончания войны, которую она провела интернированной в Абруццких горах, удалось вернуться (единственной) в Позитано.

После начала агрессии против СССР со стороны Германии и союзной Италии линия властей еще более ужесточилась: 29 июля 1941 года начальник полиции (квестор) г. Салерно разослал по всем муниципалитетам своей провинции следующий циркуляр: «весьма вероятно, и более того, наверняка, коммунизм вновь с полной силой примется за свою деятельность против Италии и Фашизма. (...) Нельзя исключить, что при нынешней опасности большевизма его сторонники овладеют новой тактикой и попытаются ввести в Италию взрывчатые вещества для исполнения террористических актов. (...) Поэтому господа подеста [титул мэра при Муссолини – М. Т.] должны организовать тщательное наблюдение в собственных коммунах над иностранцами».⁶ В соответствии с этим распоряжением из Позитано были удалены, из сумевших прежде избежать высылки, студент Павел Дворкин и художник Григорий Ошеров (оставлены, по состоянию здоровья, всего лишь двое – Иван Загоруйко и Лев Нуссимбаум⁷). Еще более суровыми оказались меры по отношению к немецким евреям, отправленным в концлагерь: лишь нескольким удалось выжить. По этим причинам Итальянский Юг иногда называют «Ненадежным убежищем» для эмигрантов...

По окончании Второй мировой войны в художественной жизни Побережья наступил упадок – пришлось ждать конца 1950-х годов, итальянского бума и вновь возникшей популярности Амальфи, Позитано и Равелло, чтобы увидеть возрождение тут искусств и ремесел, но ими занималось уже следующее поколение.

Расскажем несколько подробнее о творческом пути Ирины Ковальской на Юге Италии. Она начала свою карьеру керамиста на крупной мануфактуре ICS (*Industria Ceramica Salernitana*), которая принадлежала германскому предпринимателю еврейского происхождения Максу Меламерсону. Обладая интуицией и организационными способностями, он набрал в Германии опытных керамистов – в первую оче-

редь, среди них выделялся Рихард Дёлкер. Ковальская была поражена красками и архаикой Итальянского Юга, и, познакомившись с кругом немецких мастеров мануфактуры ICS, решила остаться на Побережье. Уже в 1932 году ей удалось открыть в Вьетри свое собственное небольшое ателье с печкой для обжига керамики. Одновременно она расширила сотрудничество с мануфактурами и на долгое время ее основным заказчиком стала фабрика ICAM (*Industria Ceramiche Artistiche Meridionali*), принадлежавшая Винченцо Пинто. Пытливая художница глубоко изучала народные ремесла: в 1933 году она долго путешествовала по Сардинии и в том же году открыла свою маленькую мастерскую на Лазурном берегу во Франции. Однако во Франции ее не удовлетворила техника обжига и она решила вернуться на Амальфитанское побережье. С 1937 года производство Ковальской настолько окрепло, что она уже самостоятельно выступила на художественном рынке.

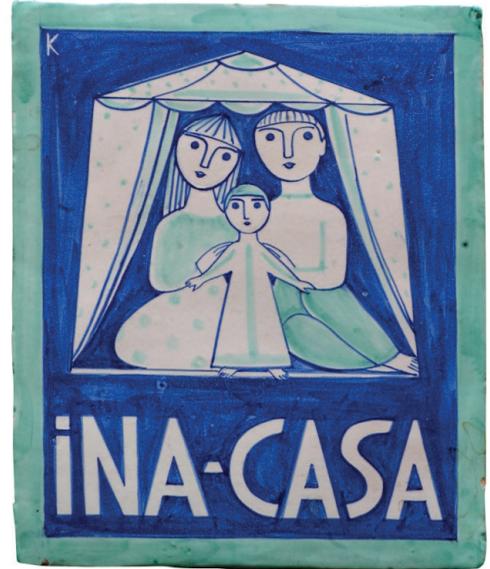
Вторая мировая война нанесла по жизни на Амальфитанском берегу серию ударов разной силы. Макс Меламерсон, хозяин фабрики ICS, был депортирован в концлагерь, а его предприятие закрыто. Бомбардировки англо-американской авиации, готовившие десант в Салернитанском заливе, разрушили мастерскую Ковальской, и она оставила керамику, перейдя на работу с тканями. Уехала она и из Вьетри, перебравшись на другую оконечность Побережья – в Позитано, где открыла новое ателье – *Positano Studio*, успешно работая с батиком, вышивками и проч. В 1956 году вместе с мужем и сыном она решила переехать в Рим, но не раз возвращалась на Юг.

Ирину Ковальскую хорошо знают и ценят на Итальянском Юге. Ее произведения украшают государственные и частные коллекции (илл. 4–11), а в специализированном Музее керамики в Вьетри существует особый зал, отведенный исключительно творчеству Kowaliska – так упорно в Италии называют уроженку Варшавы.⁸

⁶ Талалай (2008: 168–171).

⁷ Литератор Лев Нуссимбаум (Баку, 1905 – Позитано, 1942) в эмиграции писал под псевдонимами Эссад Бей и Курабан Саид – первоначально в Берлине. Особую славу ему принес роман *Али и Нина* (1938).

⁸ Творчеством Ирины Ковальской интенсивно занимается искусствовед из Салерно Матильде Ромито. См., в частности, ее статью «*Verso nuovi colori*»: Romito (2005: 33–42).

Илл. 4–11. Декоративно-прикладные работы И. В. Ковальской, собрание Городской пинакотeki в Салерно

Архивные источники

АСР = Archivio civico di Positano (Муниципальный архив г. Позитано, АСР), Sezione Immigrazione.

Библиография

Мясин 1997 = Мясин, Л[еоид] Ф.: *Моя жизнь в балете*, Арт, Москва 1997.

Талалай 2008 = Талалай, М[ихаил] Г.: «Русские художники на Юге Италии» [в:] *Художественная*

культура русского зарубежья. 1917–1939, Индрик, Москва 2008: 168–171.

Romito 2005 = Romito, Matilde: «Verso nuovi colori» [в:] *In fuga dalla storia. Esuli dai totalitarismi del Novecento sulla Costa d'Amalfi*, Centro di Cultura Amalfitana, Amalfi 2005: 33–42.

Semenoff 1950 = Semenoff, Michele N.: *Bacco e Sirene*, De Carlo Edizioni, Roma 1950.

Semënov 2010 = Semënov, Michail: *Memorie di un pescatore*, V. Keidan, M. Talalay (сост.), Centro di Cultura Amalfitana, Amalfi 2010.

Mikhail G. Talalay

Polish-Russian stories at the Amalfi Coast

The famous resort place, the Amalfi Coast, nowadays under the protection of UNESCO, at the beginning of the 20th century was a remote, patriarchal zone with a low cost of living. The bohemian lifestyle of the nearby Capri (already expensive) influenced the liberal and cosmopolitan climate also at the Coast. That is why in the 1920s, after the Bolshevik revolution in Russia and then in the 1930s after the advent of the Nazi power in Germany many refugees including artists and intellectuals arrived here. Among the Russians, the first to come was Michail Semenov (1873–1952) who settled at Positano. He started his literary career in Russia as a translator of Stanisław Przybyszewski, under whose influence he remained later. Semenov's became a meeting place for many artists like Vaslav Nijinsky (Wacław Nizyński), Igor Stravinsky (Igor Strawiński), Pablo Picasso etc. At Positano settled also a painter Ivan Zagoruyko (1896–1964), who became famous as the author of landscapes and still lifes. At the end of the 1930s he had made a long trip to the Eastern Europe, including Poland, visiting territories of the former Russian Empire. His friend and colleague Vasily Nechitaylov (1889–1888) who lived at Amalfi and Ravello specialized in the religious painting. After his conversion to Catholicism he had good contacts with Polish and Ukrainian catholic priests at Rome.

The person that influenced most of all the artistic panorama at the Coast of this period was Irena Kowalska (in Italy, mistakenly *Kowaliska*), born in Warsaw in 1905 in the mixed Polish-Russian family (her mother was from St. Petersburg). She became a distinguished ceramic master, responsible for the revival of ceramics at the Amalfi Coast. Her personal studio at Vietri sul Mare became a real artistic salon, but, as it was destroyed during the Second World War, Kowalska started to work with textiles. Thus she became one of the founders of the *Positano style* which flourished in the 1950–60s.